

⁸ Friedman J. B. *Orpheus in the Middle Ages*. Cambridge, Mass., 1970, p. 6.

⁹ Платон. Соч., т. I, М., 1968 (перевод В. С. Соловьева).

¹⁰ Nilsson M. P. *Geschichte der griechischen Religion*, Bd. I. Aufl. 3. München, 1967, S. 681.

¹¹ Linforth I. *The arts of Orpheus*. Berkeley and Los Angeles, 1941, p. 75.

¹² Платон. Соч., т. II, М., 1970, с. 105 (перевод С. К. Апта).

¹³ Еврипид. Трагедии, т. I, М., 1969 (перевод И. Анненского).

¹⁴ Linforth I. *The arts of Orpheus*, p. 20.

¹⁵ Nilsson M. P. *Geschichte...*, S. 681.

¹⁶ Платон. Соч., т. I, с. 574.

И. А. ПЕРЕЛЬМУТЕР

О ВИДО-ВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПЕРФЕКТА У ГОМЕРА

Изучая перфект в языке гомеровского эпоса, мы наблюдаем как со стороны формальной, так и семантической очень пеструю и сложную картину. Семантические соотношения форм перфекта с соответствующими формами презенса и аориста крайне нерегулярны. Характер этих соотношений в большой мере зависит от лексического значения данного глагола, но нередко даже формы перфекта одного и того же глагола отличаются друг от друга в видо-временном плане, выступая в различных контекстах. Простой перечень разных функций перфекта, который дается в грамматиках древнегреческого языка, не может удовлетворить современного исследователя. Крайняя пестрота и сложность явлений несомненно связана с тем, что в языке гомеровского эпоса мы сталкиваемся с напластованиями различных эпох. Поэтому важной задачей исследования представляется установить историческую преемственность различных функций древнегреческого перфекта и реконструировать его предысторию.

В современном индоевропейском языкознании широко распространено и глубоко обосновано мнение, в соответствии с которым в противопоставлении генетически связанных между собой основ аориста и презенса основе перфекта следует видеть древнейшую дистрикцию в системе индоевропейского глагола. В целом ряде работ последнего времени изучается вопрос о семантической природе этого противопоставления.¹ Обозначение состояния субъекта, возникшего в результате его (субъекта) предшествующего действия, традиционно считающееся основным для древнегреческого перфекта, рассматривается в современных исследованиях как возникшее на относительно позднем этапе развития перфекта. По мнению многих современных ис-

следователей, семантическую основу древнейшей дистрикции в системе индоевропейского глагола составляет противопоставление обозначения действия обозначению состояния, понимаемого более широко, чем достигнутое состояние. В языке гомеровского эпоса имеется много перфектов, выражающих состояние, в значении которых нельзя уловить какого-либо указания на предшествующее действие субъекта. Эта большая группа перфектов также весьма неоднородна как в формальном, так и в семантическом отношении, в ней несомненно можно выделить различные хронологические слои. Наиболее архаичный слой представляют так называемые интенсивные перфекты, которые являются очень часто изолированными перфектами или же имеют рядом с собой такие формы презенса и аориста, которые обнаруживают те или иные черты своего вторичного происхождения, своей производности от перфекта. Ядро этой группы перфектов составляют формы, обозначающие психические состояния как произвольные внутренние процессы.²

Помимо так называемых интенсивных перфектов мы наблюдаем у Гомера и некоторые другие перфекты, которые не могут быть истолкованы как обозначающие 'состояние субъекта, возникшее в результате его предшествующего действия'. В этих случаях на передний план выступает статальное значение, т. е. обозначение действия, не вызывающего никакой перемены ни в субъекте, ни в объекте. Например:

οἱ δὲ δῶα σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εἶρὸν ἰχάνει | ὄξειν κορυφῆ, νεφέλη δὲ
μιν ἀμφιβέβηκε | κυανέην (Од., XII, 74) '(Там) есть два утеса; один из них достигает широкого неба острой вершиной, ее окружает (ἀμφιβέβηκε — перфект) темное облако'.

ἀμφὶ δὲ κῶμα | βέβρυχεν ῥόδιον, λισσὴ δ' ἀναδέδρομε πέτρην (Од., V, 412) 'вокруг ревет шумная волна, возвышается (ἀναδέδρομε — перфект) голая скала'.

ἀλλὰ μάλ' αἶθρη | πέπταται ἀνέφελος, λευκὴ δ' ἐπιδέδρομεν αἴγλη (Од., VI, 45) '... (на Олимпе) широко простирается (πέπταται — перфект) ясное, безоблачное небо, разливается (ἐπιδέδρομεν — перфект) светлое сияние'.

Во всех приведенных случаях нет и намека на предшествующее действие субъекта.

Первый пример: изображаемая картина остается всегда неизменной, поскольку речь идет о действительности мифологической. Второй пример: здесь нет речи о том, что скала когда-то поднялась из моря, а затем так и осталась. Третий пример: никто, конечно, не предполагает, что «светлое сияние» когда-то проявилось на Олимпе, прежде же его там не было. Совершенно очевидно, что перфект здесь не обозначает «достигнутого состояния».

Не обозначают «достигнутого состояния» и перфекты ἀλλάτμαι «блуждать, скитаться» (Ил., XXIII, 74 и др.), πέπταται «непре-

рывно летать» (Од., XI, 222). Здесь форма перфекта подчеркивает особую длительность, непрерывность действия, для семантики этих форм характерна явно выраженная дуративность.

Приведенные примеры побуждают нас рассматривать обозначение состояния (не связанное с моментом обозначения предшествующего действия) и, по-видимому, производное от него обозначение особо длительного, непрерывного действия как одну из функций перфекта в языке гомеровского эпоса. Каково же историческое место данной функции перфекта в эволюции интересующей нас грамматической категории? В принципе ее можно было бы представить в качестве производной от функции обозначения достигнутого состояния. Можно было бы сказать, что в некоторых случаях момент обозначения предшествующего действия ослабляется или даже вовсе устраняется, а на передний план выступает обозначение состояния в настоящем.³ Однако тот факт, что имеющиеся у нас данные явно свидетельствуют против исконности функции достигнутого состояния, а также то обстоятельство, что обозначение состояния, не вызванного предшествующим действием субъекта, отнюдь не было продуктивным в дальнейшей истории древнегреческого перфекта — все это вынуждает нас полагать, что и в данном случае мы сталкиваемся с реликтовой особенностью этой грамматической категории.

Такое понимание семантической эволюции перфекта подтверждается тем, что функция достигнутого состояния могла явиться производной по отношению к статальному значению.

Состояние нередко выступает как результат предшествующего действия субъекта: 'умер' — 'мертв', 'сел' — 'сидит', 'лег' — 'лежит', 'взял' — 'имеет', 'приобрел' — 'владеет' и т. п. Если мы возьмем такие пары, как 'возвыситься' (человек этот возвысился) — 'возвышаться' (скала возвышается над морем), 'окружать' (войска окружили город) — 'окружать' (лес окружает озеро), и такие, как 'умереть' — 'быть мертвым', 'взять' — 'иметь', то параллелизм можно легко обнаружить. Во всех этих случаях значение второго члена пары выступает в качестве «статального варианта» значения первого члена, однако в ряде глаголов в силу присущего им лексического значения соотношение обоих членов пары в плане семантическом может быть осмыслено и иным образом: обозначение действия и обозначение состояния в качестве результата действия. Мы полагаем, таким образом, что значение достигнутого состояния, оказавшееся определяющим для последующей эволюции перфекта, выступало первоначально как лексически связанный вариант более общего значения перфекта — значения состояния. Ясное представление об этом дают некоторые гомеровские перфекты, значение которых во многих контекстах может быть интерпретировано двояко. Например:

ἄλλοτε μὲν ζῶονσ' ἐτερήμεροι, ἄλλοτε δ' αὖτε | τεθνήσκουσιν (Од., XI, 303) ('Один день они живы, на другой день они мертвы (τεθνήσκουσιν — перфект)' (речь идет о Касторе и Полидевке).

Здесь перфект явно обозначает лишь состояние в настоящем 'быть мертвым'.

καὶ γὰρ ἐρίστ' ἐθνήσκουσιν ἀδελφεός, ὃν τι κάκιστος | Ἀργείων (Од., IV, 199) '...ведь и мой брат мертв (ἐθνήσκουσιν — перфект), не худший из аргивян', или же '...ведь и мой брат погиб (и мертв сейчас) ...'

τιμὴν δὲ λαλόγγασιν ἴσα θεοῖσιν (Од., XI, 304) 'Они пользуются (λαλόγγασιν — перфект) почестями наравне с богами', или 'они получили в удел и пользуются...' и т. п.

Эти и некоторые другие перфектные формы способствовали тому, что в функциональной сфере данной грамматической категории утвердилось значение 'достигнутое состояние'.⁴

При всем различии взглядов на предысторию древнегреческого перфекта исследователи, как правило, согласны между собой в том отношении, что для исторического времени, для языка гомеровского эпоса, а также для языка памятников классического периода признают в качестве основной функции перфекта — функцию обозначения достигнутого состояния. Между тем формы активного перфекта, относимые к этой категории, отнюдь не однородны в семантическом отношении, в части из них превалирует обозначение состояния субъекта в настоящем времени (именно к таким формам и относятся перфекты типа τεθνήκασ, ἐλόγγασ), у других форм на первый план выступает обозначение действия в прошлом, результаты которого так или иначе актуальны для настоящего времени. В отношении перфектных форм этой последней группы правильнее было бы говорить, что они обозначают «актуальное прошедшее». Соотнесенность с двумя планами во времени, с прошедшим и с настоящим, представляет собой тот момент в их значении, который связывает обе группы между собой и объясняет появление функции актуального прошедшего как производной от функции обозначения достигнутого состояния, но между обеими этими функциями перфекта имеются и существенные различия. Таким образом, принятому обычно делению активных форм древнегреческого перфекта по их отношению к временному плану на две группы (перфекты с презентным значением и перфекты, обозначающие достигнутое состояние)⁵ в данной работе противопоставляется дифференциация на три группы (презентное значение, «достигнутое состояние», «актуальное прошедшее»), которая, по нашему мнению, точнее отражает крайнюю картину гомеровского перфекта, даст возможность лучше осмыслить связь перфектов с чисто презентным значением и перфектов, у которых четко выступает момент обозначения происшедшего в прошлом действия, даст более удовлетворительное объяснение дальнейшей эволюции древнегреческого перфекта.

Перфект βέβηκε 'он мычит' ничем не отличается в плане обозначения времени от презенса, перфект τέθνηκε в таком, например, контексте, как καὶ γὰρ ἐρὸς τέθνηκεν ἀδελφεός (Од., IV, 199) 'ведь и мой брат мертв (умер и мертв)', может быть объяснен как выражающий достигнутое состояние, хотя презентное значение в нем превалирует, но у перфекта ὄλωλε в контексте οὐ γὰρ τις δύναται σάφα εἰπεῖν, ὅτι οὐδ' ὄλωλεν (Од., III, 89) 'ибо никто не может сказать ясно, где он погиб' претеритальное значение явно выступает на передний план, и в этом случае мы несомненно сталкиваемся с употреблением перфекта в функции актуального прошедшего.

Четкую разграничительную линию между перфектом со значением достигнутого состояния и перфектом, означающим актуальное прошедшее, провести, конечно, нельзя. Между теми случаями, где указанные значения выражены вполне определенно, располагается целая гамма различных семантических оттенков. Особую группу в этом отношении составляют глаголы, означающие передвижение. Если перфекты типа τέθνηκε в принципе поддаются двойкой интерпретации, как об этом уже говорилось выше, то у глаголов движения обозначение предшествующего действия выражено отчетливее, хотя наличествует и связь с настоящим временем. Например, 'Πη, τίπτε βέβηκας; (Ил., XV, 90) 'Гера, зачем ты пришла?'

Никак иначе, как только с помощью глагола в прошедшем времени, мы не можем перевести на другой язык форму перфекта в таком контексте ἐννέα δὲ βεβήκασι Διὸς μεγάλοι ἐνιαυτοί (Ил., II, 134) 'вот прошло уже девять лет великого Зевса'.

Претеритальное значение особенно явно выступает на передний план тогда, когда форма перфекта сопровождается какими-либо обстоятельственными словами, характеризующими происшедшее в прошлом действие, или же прямым дополнением, на которое это действие переходит. Например:

τίς δὲ σὺ ἔσσι, φέριστε, καταθνήσκων ἀνθρώπων; | οὐ μὲν γὰρ ποτ' ὄπωπα μάχη ἐνι κωδιανείρῃ | τὸ πρῖν (Ил., VI, 123 и сл.) 'Кто же ты, храбрейший, из смертных людей? Ведь никогда прежде я не видел (тебя) в битве, прославляющей мужей'.

ἀλλ' οὐ πω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν ὄπωπα (Ил., II, 799). 'но я еще не видел такого и столь большого войска'.

Конечно, значение, передаваемое формой перфекта ὄπωπα в этих примерах, соотносено с настоящим временем и даже как-то характеризует субъект действия в данный момент, но здесь явно уже нельзя говорить о состоянии в том смысле, какой мы имеем в виду, когда приводим перфект типа τέθνηκε 'он мертв'.

οὐδὲ γὰρ οἱ ὄλωλε μάχη ἐνι, φίλτατος ἀνδρῶν, | Ἀσκάλαρος (Ил., XV, 111) 'ибо в битве погиб (ὄλωλε — перфект) у него сын Аскалаф, прекраснейший из людей'.

Перфект здесь сообщает о событии, которое произошло в

прошлом, но которое не утратило своей актуальности для настоящего: у Ареса теперь нет сына Аскалафа.

ὣς ὁ μὲν ἐνθ' ἀπόλωλε (Од., XIV, 137) 'Так он там и погиб (ἀπόλωλε — перфект)'.

Гибель Одиссея (воображаемая) произошла в прошлом, но его близким она причиняет нескончаемые страдания теперь (именно об этом и говорится в последующих словах).

В приведенных примерах сообщается не о «состоянии субъекта, возникшем в результате его предшествующего действия», во всех этих случаях перфект обозначает действие в прошлом, которое так или иначе соотносено с настоящим временем, выступает в функции актуального прошедшего.

Употребление перфекта в функции актуального прошедшего нередко смыкается с аналогичным употреблением аориста. Порою бывает очень трудно уловить какое-либо различие в значении форм аориста и перфекта от одного и того же глагола. Особенно показательны те случаи, где мы наблюдаем вполне параллельное употребление форм аориста и перфекта в пределах одной фразы.

ἄλλους μὲν γὰρ πάντας, ὅσοι Τρωσὶν πολέμιον, | πειθόμεθ' ἕχι: ἕκαστος ἀπόλετο λυγρῶ ὀλέθρῳ, | κείνου δ' αὖ καὶ ὀλέθρον ἀπειθέα θῆκε Κρονίων. | οὐ γὰρ τις δύναται σάφα εἰπεῖν, ὅτι οὐδ' ὄλωλεν (Од., III, 86—89) 'Обо всех остальных, кто сражался с троянцами, мы знаем, где каждый из них погиб (ἀπόλετο — медиальный аорист) печальной гибелью; его же гибель сделал неизвестной Кронион, ведь никто не может ясно сказать, где он погиб (ὄλωλεν — перфект)'.

ἦδη μὲν πολέων ἑδάχην βουλήν τε νόον τε | ἀνδρῶν ἡρώων, πολλήν δ' ἐπέκληθα γαῖαν. | (Од., IV, 267, 268) 'Я уже узнал (ἑδάχην — аорист) намерения и мысли многих мужей-героев и обошел (ἐπέκληθα — перфект) много земель'.

ἦ μὲν δὲ ῥάλα πολλὰ μάχας εἰσήλυθον ἀνδρῶν, | ἀλλ' οὐ πω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν ὄπωπα. (Ил., II, 798, 799) 'Воистину очень часто вступал (εἰσήλυθον — аорист) я в битвы мужей, но я еще не видел (ὄπωπα — перфект) никогда такого и столь многочисленного войска'.

Таким образом, мы приходим к выводу, что во многих случаях формы перфекта в языке гомеровского эпоса не означают состояния субъекта, наступившего в результате предшествующего действия, а имеют иные значения, некоторые из которых развились из значения достигнутого состояния, другие же исторически ему предшествуют.

Примечания

1 Библиография по этому вопросу см.: Перельмутер И. А. О первоначальной функции индоевропейского перфекта. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1.

2 Там же.

3 Именно так и интерпретируется значение перфекта ἄλληλαи в кн.: Brugmann K., Thumb A. Griechische Grammatik, München, 1913, S. 551.

⁴ Несомненно, интересен тот факт, что семантическая эволюция, которую мы здесь реконструируем по отношению к древнегреческому перфекту (от стального значения к обозначению достигнутого состояния), представляет собой процесс, который обнаружен в истории глагольных систем некоторых неиндоевропейских языков, в частности, в истории семитских языков. Той глагольной формации (суффиксальному спряжению), которая в древнейшем из засвидетельствованных семитских языков — аккадском — служит преимущественно для обозначения состояния («пермансив», по терминологии Х. Саура, «статив», по терминологии Ф. Рундгрена), в западносемитских языках, засвидетельствованных значительно позже, соответствует формация, имеющая в основном значение перфекта, хотя и сохранившая в ряде слов в качестве реликта свое первоначальное стальное значение. См.: S a r a u w Chr. Das altsemitische Tempussystem. — "Festschrift V. Thomsen". Leipzig, 1912; R u n d g r e n Fr. Erneuerung des Verbalaspects im Semitischen. — Acta Universitatis Upsalensis. Acta Societatis Linguisticae Upsalensis, Nov. ser. 1:3. Uppsala, 1963.

⁵ Очень четко такое деление проведено Фр. Кейлем. — См.: Keil Fr. Untersuchungen zum Perfektgebrauch Herodots. — "Glotta", 1963, Bd. XLI, H. 1—2, S. 11.

М. В. СКРЖИНСКАЯ

СОЧИНЕНИЯ ЦИЦЕРОНА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ВРАЧАХ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Название статьи может вызвать некоторое недоумение у читателя. Ведь известно, что Цицерон не только не писал никаких сочинений о медицине, но даже не затрагивал сколько-нибудь подробно этой темы ни в одном из своих трудов. И, насколько нам известно, никто еще из исследователей не изучал литературное наследие Цицерона как источник сведений о врачах Древнего Рима.

От античности сохранилось немало сочинений на специальные медицинские темы. В то же время вопрос о положении врачей в древней Италии и об отношении к ним ее населения специально не трактовался ни в одном из известных нам источников. В речах же, письмах и трактатах Цицерона не раз встречаются разрозненные упоминания о врачах, по которым можно составить некоторое представление об их месте в обществе и взглядах на них разных групп населения.

Римляне чрезвычайно редко выбирали для себя профессию врача. В источниках, содержащих упоминания о практиковавших в Риме врачах, встречаются главным образом греческие имена, а также имена выходцев из восточных стран. Плиний Старший отметил эту особенность (*in tanto fructu paucissimi Quiritum attigere* — N. H., XXIX, 17) и хорошо объяснил одну из причин подобного явления. Греческая медицина пользовалась в древнем мире исключительным авторитетом, сочинения по медицине были написаны в основном на греческом языке, так что римляне для овладения профессией врача должны были